

*Памяти моего отца
В. Н. Овсяникова
посвящается*

**«Снять блокаду (Шлиссельбург – Кировск –
Синявинские Высоты)»**

*Лев Лурье – петербургский историк, писатель, журналист.
Журнал «Загород» № 2 (14), февраль, 2008.*

«Известны великие поля боев: это Сомма и Верден во Франции, Галлиполи под Стамбулом, Эль-Аламейн в Египте, Сталинград — в СССР. Но только у нас под Петербургом до сих пор — каждое лето — отыскивают и погребают незахороненные останки. Конца и края этим раскопкам не видно: десятки, если не сотни, тысяч трупов остаются лежать в земле. Обо всех сражениях в окрестностях города уже не помнят.

8 сентября 1941 года вермахт вышел на левый берег Невы и захватил его от Ивановского до Шлиссельбурга. Образовалось так называемое «Бутылочное горло» — немецкий плацдарм шириной 20 км, упирающийся в Ладугу между Шлиссельбургом и рекой Назия. Эта территория 900 дней отделяла Ленинград от Большой земли.

С сентября 1941 по январь 1944 года здесь непрерывно шли кровопролитные сражения между немецкой группой армий «Север», с одной стороны, и Ленинградским, и Волховским фронтами — с другой. Многочисленные попытки прорвать блокаду были безуспешными до января 1943 года, а затем ещё год советская армия пыталась отогнать немцев от станции Мга. На небольшой части нынешнего Кировского района Ленинградской области погибло не меньше людей, чем в заблокированном Ленинграде. И хотя как коммунистическая, так и нынешняя власть не устает напоминать: «Никто не забыт, ничто не забыто», — на южном (левом) берегу Невы до сих пор нет ни мемориала, ни достойного музея...».

С этим трудно согласиться... А мемориал на Невском «пяточке», музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда» в Марьино, Ивановский пяточок, Синявинские высоты?.. Там вся земля —

музей, и на ней, где героически погибли сотни тысяч наших солдат, стоят обелиски и скромные памятники. Однако на карте Кировского района есть место, которому в годы войны уделялось огромное внимание в период блокады Ленинграда и после ее прорыва, где проходила Дорога победы, или «коридор смерти», как ее называли — это город Шлиссельбург. Осенью и зимой 1941 года здесь шли кровопролитные бои. 6–8 сентября на подступах к Шлиссельбургу сдерживали врага остатки частей 1-й дивизии НКВД, измученные в кровавых боях подо Мгой. А также моряки 4-го батальона 4-й отдельной бригады морской пехоты, наспех созданного из резервистов, курсантов и моряков, прибывающих с Тихоокеанского флота для обороны города, и сводная рота моряков Ладожской военной флотилии, большинство которых погибло. С началом блокады Ленинграда после потери Шлиссельбурга начались неоднократные попытки отбить его у врага, чтобы прорвать блокадное кольцо. Только в ходе первой шлиссельбургско-синявинской операции по прорыву блокады Ленинграда в сентябре 1941 года с правого берега Невы не раз на город высаживались десанты бойцов 1-й дивизии НКВД и моряков со стороны Ладожского озера. Десантные катера тонули и горели под артиллерийско-пулеметным огнем противника, а те, кому удавалось высадиться, попав в окружение, погибали в неравных схватках с врагом. Бои за Шлиссельбург шли и в ноябре, и декабре 1941 года, но все они успеха не имели.

Как ни странно, в нашем городе нет ни камня, ни монумента, в память о тех несправедливо забытых боях, пусть и не принесших успеха. Правда, на 6-м км Новоладожского канала, примерно там, где 25 сентября 1941 года, был высажен десант моряков, в безлюдном и труднодоступном месте есть скромный памятник погибшим. Но этого явно не достаточно для города с таким боевым прошлым, как и не достаточно для города с богатой историей маленького музея. Может быть, Л. Лурье, говоря об отсутствии мемориала и достойного музея на южном (левом) берегу Невы, имеет в виду наш город?.. В городе с богатой историей, коим является Шлиссельбург, по моему мнению, должен быть достойный музей.

Тема неоднократных попыток отбить Шлиссельбург у врага меня, автора этих строк Овсяникова Юрия Валентиновича, коренного жителя Шлиссельбурга, сына известного в области краеведа Валентина Николаевича Овсяникова, не могла не затронуть.

Отец болезненно переживал каждый с трудом найденный материал, каждую страшную весть по этой, в те годы закрытой

и неугодной, теме. Слишком много необдуманных смертей, нелогичных, сиюминутных приказов, порой бездумного исполнения. Но ведь именно эти многократные попытки, сопровождавшиеся крупными потерями, выматывали врага, не давали ему опомниться, заставляли держать на этом участке крупные силы, так необходимые ему на других направлениях.

Вот, что пишет в своих воспоминаниях в газете «Северо-Западный водник» от 18.10.94 г. участник шлиссельбургского десанта, высаженного со стороны Ладожского озера 25 сентября 1941 года, командир группы, старшина 1-й статьи Н. Бавин: «Внимание к Шлиссельбургскому участку фронта непосредственно командующего войсками Ленинградского фронта генерала армии Г. К. Жукова, его требование, в том числе и к морякам ладожской флотилии, как можно быстрее овладеть Шлиссельбургом с целью деблокады Ленинграда обязывало командование Ладожской флотилии принимать фактически авантюрные решения о высадке шлиссельбургских десантов в очень тяжелых условиях: при явном недостатке плавсредств, без должной предварительной подготовки подразделений и при неизменном превосходстве сил противника.

Несмотря на все сложности и смертельную опасность десантной операции, моряки Ладожской флотилии с честью и достоинством выполнили свой воинский долг, проявив поистине чудеса героизма. Наши жертвы в этом десанте были не напрасны. Противник вынужден был снять часть своих сил с главных направлений своего наступления на Ленинград. И пусть небольшую крупицу, но морской десант 25 сентября 1941 года внес в защиту нашего любимого города в то грозное и тяжелое время».

Наши долг помнить о героизме наших дедов, отцов и братьев. А помним ли мы? Правда, для того чтобы помнить – надо знать! А знаем ли?

По поводу лозунга «никто не забыт и ничто не забыто» хочу привести несколько примеров. В шестидесятом году мой отец обследовал и поднял с командой водолазов со дна Ладожского озера останки нашего самолета и летчика. По номеру двигателя и номеру пистолета он пытался установить имя героя. Писал в архивы, военкоматы, воинские части, а некто Чурин из «Ленинградской правды» ответил, что это никому не нужно... Детали самолета были переданы в музей Ленинградского военного округа. Однако печально то, что останки летчика не были захоронены с почестями, а были сброшены в Неву у пирса 5-й ТЭЦ в Ленинграде.

В 1971 году на четвертом километре Новолодожского канала работал земснаряд. На сброшенном в сторону озера грунте были обнаружены останки моряков-десантников, котелки с надписями фамилий, каски, оружие и т. д. Но, самое главное, был найден планшет. Документы в нем размокли, достать их было трудно. Перед отпуском отец разложил просушить эти документы в сарае спасательной станции, где работал. Некто Е. Иванов, работавший конюхом, по приказу Челышева (председателя горисполкома) собрал останки бойцов в ящик, в котором когда-то размешивали цемент, и увез на лошади, на братское захоронение. Оставшиеся вещи выбросил в воду, а ведь по ним можно было бы узнать фамилии бойцов(!) и не только... Вот вам еще одни похороны со всеми полагающимися воинскими почестями!

Спустя годы на Преображенской горе в земле были обнаружены останки пяти наших бойцов и тяжелый пробитый пулями с самолета бронецит, за которым укрывался пулеметчик. Возможно, это были бойцы 1-й дивизии НКВД, которые 5 февраля 1942 года пытались завладеть Шлиссельбургом, ворвавшись во вражеские траншеи, а может, это были защитники города, погибшие 7–8 сентября 1941 года, или бойцы, погибшие при прорыве блокады в январе 1943 года? Кто они неизвестные герои?

Но и в этот раз останки бойцов ни военкомату, ни городу оказались не нужны. Вот так мы чтим и помним тех, кто сложил свои головы за наш город в жестоких схватках с врагом!

Изучая историю нашего города много лет, мой отец собрал богатый материал, особенно военного периода. Благодаря этим данным, огромным стараниям отца и тех людей, которые ему помогали, в городе установлено несколько памятников. Сколько нервов, времени и сил было затрачено на это благое дело. Читая воспоминания отца, узнаю с каким трудом удавалось установить каждый памятник. Просто уму непостижимо! Как будто это делалось не ради памяти павших, а как какое-то пустое дело. Лозунг «никто не забыт и ничто не забыто» власти любят вспоминать, только выступая на митингах.

В середине 60-х вместе с прекрасным человеком, бывшим председателем исполкома нашего города А. А. Горминым, у отца возникла идея создать в городе музей, а в районе речного вокзала поставить памятник павшим в боях за город, на Дороге жизни, на берегах Ладоги и Невы. В установке памятника было отказано. Тогда — к 25-летию Победы — не был сделан и музей. Много со-

бранного материала пропало. К 30-летию Победы опять ничего не удалось сделать.

Когда мой отец работал в НЛТУ, ему на партбюро было предложено возглавить работу по сбору материалов и созданию музея к 40-летию Победы. В здании правления НЛТУ была выделена комната под музей. К тому времени дома скопилось много материала. Но заниматься любимым делом практически не давали. Работая над созданием музея, отец вынужден был доказывать начальству, что нужно увековечить память работников НЛТУ, погибших на фронте, скромным монументом. 8 мая 1985 года в канун 40-летия Победы на открытие музея и памятника погибшим в войну работникам НЛТУ было приглашено много ветеранов. На открытии присутствовал Герой Советского Союза М. И. Леонов, наш земляк. До войны он работал в Приладожском техническом участке пути на пароходе «Харьков». Руководство и конторская молодежь после торжественной церемонии ушли отмечать эту великую дату. Ветераны, получив праздничные подарки, разошлись по домам. А отец постоял у памятника, расправил ленты на венках, закрыл музей на замок и всеми забытый побрел домой...

За два месяца отцу удалось сделать музей. Днем и вечером, в рабочие и выходные дни он резал стекла, стругал, красил, пилил, клеил, оформлял экспозиции. В этом ему помогли М. Иванов и Краснощечков. 90 % материалов, собранных моим отцом, было выставлено в музее. После открытия музея отца отстранили от его любимого дела. Не дали ему поработать с молодежью и школьниками. Так, в созданный им же самим музей ему дороги не было. Четыре года отец предлагал, чтобы хоть полдня в неделю ему давали поработать в музее. Нашли другого, который на тот момент всего лишь два года, как приехал в наш город. Отцу сказали, что незаменимых людей нет!

На этом мой отец не остановился. У него на руках был материал, где, со слов очевидцев, из газет и книг, говорилось о казнях мирных жителей и наших военнопленных фашистскими оккупантами, о том, что в городе было подполье. Местные жители укрывали раненых бойцов, рискуя собственной жизнью; работая в немецкой комендатуре, собирали важную информацию и передавали ее нашим разведчикам. Ставили мины, в стволы пушек засыпали песок, выводя их из строя. Вели невидимую борьбу с фашистами. Из переписки с архивами отцу удалось документально установить фамилии 22-х патриотов, жителей Шлиссельбурга, погибших в годы

фашистской оккупации в 1941–1943 годах! Тогда он загорелся идеей установить обелиск погибшим шлиссельбуржцам.

И начались мытарства... Непонимание и черствость чиновников в исполкомах, военкоматах, в разных организациях мешали делу. Отцу лгали, обещая помочь. После нескольких лет «хождения по мукам» отец написал огромное письмо в «Прожектор перестройки». Благодаря помощи этой передачи обелиск был установлен к 45-летию прорыва блокады. На открытие памятника были приглашены родственники погибших. Много было слез, много цветов и благодарности тем, кто принял участие в создании обелиска.

Чего стоила установка памятника погибшим десантникам на 6-м километре! Первоначально его планировали установить в сквере, напротив исполкома. «В память героям-десантникам, павшим на Шлиссельбургской земле в осенних операциях 1941 года» — так должна была гласить надпись на нем. Пройдя все инстанции и собрав все необходимые документы и подписи, найдя финансовую поддержку на установку памятника, отец вдруг получает отказ от архитектора Журавлева, только что принявшего этот пост. На повышенных тонах Журавлев заявил отцу: «Я не дам тебе делать могилы по всему городу...». После такого общения отец написал письмо профессору С. А. Попову, участнику десанта моряков («Десант на тот свет»), высаженного 25 сентября на Шлиссельбург, и тот через директора НССЗ Г. Н. Снеткова помог установить памятник к 45-летию Победы. Правда, установлен он был на 6-м километре, а не там, где планировалось. Ну, и на этом спасибо...

Осенью 1989 года после долгих мытарств была установлена мемориальная доска в память о нашем земляке, Герое Советского Союза А. П. Бонине.

Следующим был памятник умершим от пуль, голода, истязаний, сожженным в крематории. Установлен он был за стадионом, рядом с тем местом, где сжигали тела умерших жителей и бойцов. О том, что в городе был крематорий, подтверждают записи из дневника сапожника А. А. Чистоделова, об этом пишет в «Блокноте агитатора» за 1944 г. № 11(93) комиссар госбезопасности 3-го ранга П. Кубышкин. Некто Хрупов в годы войны был у немцев гробовщиком. Он рассказывал, что в операциях зимой 1942 года погибло много наших солдат и моряков. Крупное наступление было через Неву в районе фабрики. Всех павших и даже тяжело раненых немцы сжигали.

Дело затянулось, как и с предыдущими памятниками. Спустя полтора года приходят документы, подтверждающие, что в городе был крематорий. Теперь нужно добиться согласования в отделе охраны памятников в Петропавловской крепости. В этом отделе сказали, что случай неординарный и памятник делать надо. Нигде в области такого не было, как в Шлиссельбурге. Время шло, а дела не продвигались, не приходили необходимые документы из ГИОП. Примерно за неделю до празднования 50-летия освобождения города и прорыва блокады Ленинграда отца пригласили на совет директоров, там начальник НЛТУ В. В. Блинов выделил необходимый материал и работников. За два дня скромный памятник был готов. Но спустя годы на том месте началось строительство коттеджей, и памятник снесли. Вот и вся память...

К 300-летию Российского флота отцу приходит мысль увековечить память погибших в годы войны кораблей и судов в водах Невы и Ладоги. С этой идеей отец обратился к губернатору Ленинградской области и получил положительный ответ. И вновь стал пробивать «бетонные стены». Большую помощь отцу оказали Ю. И. Мазин и директор НССЗ Б. А. Гладышев, благодаря которому памятник был готов 26.07.96 г., но 27.07.96 г., в день 300-летия Российского флота, торжественное открытие не состоялось. Мэр города Кузечкин запретил это мероприятие. Он был против памятника и дважды писал в НССЗ о его переносе на территорию завода. О памятнике были статьи в газетах «Ладога», «Вести». На телевидении была сделана передача, где были показаны все вышеперечисленные памятники, а отец рассказывал о каждом из них.

Сколько еще разных интересных предложений, связанных с историей нашего города, было у моего отца. Им так и не суждено было исполниться...

Вступление

*«Там, где убитый солдат забыт,
там наша совесть и стыд»*

В этом году мы будем отмечать 70-летие траурной даты: 8 сентября 1941 года фашистские войска захватили город Шлиссельбург и тем самым сомкнули кольцо блокады Ленинграда.

Мало кто из жителей нашего города знает о том, что происходило в Шлиссельбурге перед его захватом и во время оккупации. Мало кому известно о жутких артиллерийских обстрелах и бомбежках города фашистами; о гибели моряков и бойцов НКВД, принявших последний бой и преградивших путь врагу на окраине города — Преображенской горе; о тех десантах через Неву и со стороны Ладожского озера, неоднократно пытавшихся освободить Шлиссельбург и прорвать блокаду Ленинграда, погибших, но так и не справившихся с заданием из-за плохой подготовки, нехватки времени и средств. Большинство горожан слышали о героической защите крепости «Орешек». А ведь в каждом десанте, как и при защите города, погибало в бою больше бойцов, чем в крепости «Орешек» за все ее осадное положение. Одно дело укрываться от вражеского огня за крепостными стенами толщиной 6 метров, другое дело — на лодках и понтонах под шквальным огнем врага переправляться через Неву или, преодолевая 1,5 километра до берега вброд, по пояс в ладожской ледяной воде идти на немецкие пулеметы и пушки, или по заснеженному ладожскому льду в черных бушлатах под жутким обстрелом неприятеля продвигаться к озерному валу, — спрятаться негде, назад дороги нет, вперед не продвинуться. Так и гибли десантники, порой не достигнув вражеского берега. Об этом мало где говорится. Будто и не было дерзких бросков на врага. Перебирая рукописи отца, собирая по крупицам материал из разных книг, архивных документов, журналов, газет, я решил все это объединить в один сборник, чтобы люди могли

больше узнать о тех кровавых событиях, происходивших в Шлиссельбурге и на подступах к нему. Узнать, что в трудном для Ленинграда 1941 году, помимо героической обороны «Орешика», были героические попытки отбить Шлиссельбург у врага с целью прорыва блокады, так и не принешие успеха, захлебнувшиеся в крови. О них так мало известно, почему-то принято умалчивать... Кому нужна горькая правда?

Целых 16 месяцев фашистские изверги будут хозяйничать в Шлиссельбурге. Но 18 января 1943 года придет час расплаты, и город будет освобожден. Павел Николаевич Лукницкий, бывший специальный военный корреспондент ТАСС по Ленинградскому фронту, в книге «На берегах Невы» напишет: «... На льду канала еще лежат безобразные, замороженные трупы гитлеровцев. Их много, как корявые дрова, они нагромождены один на другой. Желтая кожа лиц, кажется, сделана из картона. Рваные раны, скрюченные пальцы, изорванная, окровавленная одежда, красно-черные повязки эсэсовцев на рукаве, соломенные эрзац-валенки и обмотки на распяленных ногах, — вот зрелище, венчающее черные дела 170-й немецкой пехотной дивизии, предавшей огню и мечу Одессу, Севастополь и Керчь, расстрелявшей и замучившей изувекскими пытками десятки тысяч ни в чем неповинных мирных советских людей.

Пришел день возмездия! 170-й гитлеровской дивизии больше нет. В Шлиссельбурге и на каналах ни одного живого немца. Пленные под конвоем девушек-автоматчиц отправлены в Ленинград. Остальные будут сброшены в воронки от снарядов и авиабомб и заметены снегом...» Но все это произойдет спустя 16 месяцев после оккупации города. А за все дни, что враг хозяйничал в Шлиссельбурге: «... из восьмисот домов, имевшихся в городе до захвата его гитлеровцами, уцелело лишь шестьдесят, да и то большая часть их приходится лишь на приселок, вытянувшийся вдоль Новолодожского канала, строго говоря, за чертой города...

[...Из шести тысяч жителей, находившихся в Шлиссельбурге в момент оккупации его гитлеровцами, осталось только 320 человек, из которых мужчин было не больше двух десятков.] Две с половиной тысячи шлиссельбуржцев умерли от голода и лишений, многие были замучены по всем правилам «нового порядка», остальные отправлены в глубокий вражеский тыл. [<...>] Население ютилось в землянках в лесу. Каждое утро всех выгоняли на работу, на рытье траншей, на строительство дзотов. С двух часов дня ни один

русский человек не смел показаться на улицах, каждого запоздавшего хотя бы на пять минут ждали плети или расстрел...

Три сотни бледных запуганных жителей из шести тысяч!»

Вот так! Но сколько тысяч человек погибло в боях за Шлиссельбург? Кто может хотя бы примерно назвать эти потери?

О тех тяжелых испытаниях, выпавших на долю жителей оккупированного Шлиссельбурга, о погибших воинах, сдерживавших врага на окраине города, о бойцах, пытавшихся неоднократно его освободить и отдавших свои жизни в кровавом 1941 году, рассказывают материалы, вошедшие в этот сборник.

Глава 1

ШЛИССЕЛЬБУРГ ДО ВОЙНЫ

Из воспоминаний Антонины Кудрявцевой
(архив В. Н. Овсяникова)

Город наш в административном отношении относился к городу областного подчинения. Был свой городской комитет партии, городской исполком со всеми отделами, городской комитет ВЛКСМ, даже после Великой Отечественной войны мы подчинялись Обл-исполкому.

Шлиссельбург был приграничным городом, и въезд разрешался только по пропускам. Основным транспортом в то время (на период навигации) считался речной. По Неве ходили комфортабельные на то время колесные пароходы: «Республика», «Гражданин», «Ц-Правда». На переправе через Неву на Морозовку ходил «Арзамас». Зимой людей и грузы перевозили на лошадях.

С детских лет помню город чистым и ухоженным. Жилой фонд в основном был деревянным, преимущественно постройки частного сектора. Город был небольшим, население около 12 тысяч человек.

Все дороги и площадь были вымощены булыжником, за которым следила специальная бригада каменщиков при коммунальном отделе исполкома.

Участковый милиционер в течение какого-то периода, ходил и проверял дороги, чтобы они не зарастали травой. Поэтому родители давали нам задание: ножами и вилками удалять траву между камней. Если дорога была не вычищена — хозяев наказывали...

А в каком состоянии был бульвар!.. Через кюветы к нему были проложены деревянные мостики, сам бульвар огорожен изгородью из штакетника, проходами были деревянные вертушки. На аллеях стояли скамеечки, было много клумб, засаженных цветами. Стояли мусорницы. И удивительно то, что никто ничего не ломал. Чистоту на бульварах, да и в скверах, поддерживали идеальную. Не увидишь брошенной бумажки.

Центром города была Красная площадь и улица им. Жука. Все праздники проходили на площади. Как торжественно там проходили демонстрации!